

18+

Николай Карпин

НЕПРИКАЯННЫЙ

Николай Карпин

Неприкаянный

«Издательские решения»

Карпин Н.

Неприкаянный / Н. Карпин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982864-4

В повести «Неприкаянный» автор продолжает извечную тему «героев вчерашних дней». Повесть не выдумана. Разворачивающиеся события во многом пережиты самим автором. С развалом могучей страны под названием СССР главный герой повести Силин, бывший теперь строитель БАМА, из Сибири возвращается в Карелию, — место, где он родился и вырос, и где думает обустроить дальнейшую свою жизнь. С какими трудностями он сталкивается, как справляется с ними по возвращении, об этом можно узнать, прочитав эту повесть.

ISBN 978-5-44-982864-4

© Карпин Н.
© Издательские решения

Содержание

Зов родных мест	6
Школьные друзья	9
Радость – начало печали	11
Невзгоды не ходят по одиночке	12
Дерево желаний	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Неприкаянный Николай Карпин

*...Не стерёг иступлённый дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времён,
И была наша участь – мгновенна.*
А. Блок, «Пришельцы»

Елена Бермус *Редактор*

© Николай Карпин, 2020

ISBN 978-5-4498-2864-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зов родных мест

...Игорю Силину снилась Москва. Он бродит по её закоулкам и ищет Чистые пруды, воспетые Тальковым. На берегу озерка, напомнившего Силину карельскую ламбушку, – тощая парочка: мужчина и женщина. Оба с раскосыми глазами, похожи на вьетнамцев. Они усердно полощут в воде грязные мешки – обычно в таких хранят картофель. Поблизости лежат пустые стеклянные бутылки. Видно, собрали их по окрестным кустам.

– Это и есть Чистые пруды? – спрашивает у людей Силин и кивает на воду, затянутую бурой ряской.

– Да, – отвечают они.

«Странно, – недоумевают во сне. – Почему их назвали чистыми?..»

Игорь перевернулся на спину. Узкая деревянная кровать под ним всхрипнула загнанной лошадкой и разбудила, перебив сон.

Силин открыл глаза. Рыжие тараканы на обшарпанной стене хищно шевелили усами – наверно, держали совет, не пора ли позавтракать телом чужака.

«Ага, – вспоминал Силин, – это общежитие музыкального училища. Летние каникулы у студентов, как видно, подорвали продовольственную базу насекомых. Оголодали». Вслух сказал:

– Надо искать квартиру, а то сожрут с потрохами... Да вот вам! – высвободив из-под выдавшего виды байкового одеяла руку, он соорудил тараканам кукиш и невесело усмехнулся.

По приезде в Петрозаводск Игорь Силин надеялся на двоюродного брата. Тот был на десять лет старше, и Силин уважительно называл его Степанычем. В последнем своём письме Степаныч выкладывал план возвращения Игоря на родину: «Приедешь, первое время поживёшь у меня. Потом разберёмся». Силин читал тогда и благодарно соглашался. Душа его наполнялась тёплыми родственными чувствами. Слова Степаныча ещё сильнее укрепляли в Игоре желание вернуться в родной край: ему до чёртиков надоело мотаться по стране.

Игорь вспоминал прошлое, и грустно становилось на душе. Будто и не он прожил почти два десятка лет вдали от мест, где родился и вырос...

Пылкий романтик, когда-то Силин искренне желал быть полезным своей родине, верил в «заветы Ильича», в победу коммунизма и надеялся честным трудом приблизить тот долгожданный час, предначертанный вождём.

Рос непоседой. Игоря Силина нельзя было назвать прилежным учеником, зато охотно принимал участие во всех школьных мероприятиях, в субботниках по благоустройству посёлка, где жил с родителями. Участь в младших классах, вместе с ребятами собирали металлолом, макулатуру, старшеклассниками осенью бесплатно разгружали вагоны с овощами. Одним словом, в то время школьники не оставались в стороне от общих дел – помогали родному посёлку жить лучше, интереснее. Дальше – переезд в город, учёба в петрозаводском университете. Романтика стройотрядов, туристических походов! Это прививало навыки жизни в спартанских условиях, давало возможность почувствовать руку друга, готового помочь в любую минуту. Для Силина именно бескорыстие было отличительной чертой той эпохи.

Получив инженерное образование, Игорь работал в лесной промышленности Карелии. И снова, как в студенческие годы, его поманила Сибирь с её необъятными просторами и дикой природой. Не удержался, помчался в «непознанную даль» «за туманом и за запахом тайги», как пелось в песне. Тогда он уехал работать в Иркутскую область.

Поначалу всё так и было. Романтика почти походной жизни подкреплялась неплохими заработками, но потом любимая Родина неожиданно развалилась на пятнадцать неравных кусков. Не стало великой страны, и Силин вдруг почувствовал, что обновлённой России он совершенно не нужен. У его Родины теперь появились свои проблемы, решались они таким путём,

что создавали большие неприятности Силину. Не только ему одному, конечно, а человеку вообще.

За два-три года резко обострилась ситуация в экономике страны, а Силин как раз в последнее время работал в строительном-монтажном поезде, или в СМП – так коротко называли. Предприятие давало прибыль, стабильно выплачивало сотрудникам зарплату, имелись неплохие перспективы. Чтобы решить проблемы Родины, «новые люди» реформировали деятельность СМП: передали в частные руки, переоформили в фирму, а большинство работников при этом сократили. Подведомственный детский сад был снят с баланса предприятия, здание тут же разобрали, всё, что можно, растащили. Новых хозяев совсем не интересовало, куда молодые родители денут малышей. К слову, тогда Игорь Силин единственный раз в жизни поблагодарил судьбу за то, что у него нет детей.

Директора сначала оставили прежнего, он даже попытался сопротивляться сомнительным решениям нового хозяина. Тогда пришли молодые люди спортивного телосложения, потребовали передать им печать и правоподтверждающие документы. Сначала директор отказал им. Нет, в ответ на отказ они не прижигали его утюгом, как это показывали в расплывшихся тогда примитивных фильмах про «новую жизнь». Эти ребята действовали по принципу «напугай и властвуй». Январским морозным вечером они заперли директора, пожилого уже человека, в пятитонном контейнере, и через час тот сдал ключи от сейфа с документами и печатями. Случилось это в Сибири, там смерть от холода – привычное явление. Нашли бы потом где-нибудь в глухом проулке в сугробе тело. Замерз, да и замерз. Не дошёл до дому. Морозы лютые – немудрено. Ведь для правоохранительных органов если нет телесных повреждений, то и дела нет.

На сцену жизни всё ещё огромной страны жирным удавом с малиновым отливом выползла грубая физическая сила, быстро решавшая многие проблемы. А закон зайчиком жался на задворках этой житейской драмы.

Новые хозяева предлагали Игорю Силину стать исполнительным директором фирмы: он знал производство, обладал неплохими организаторскими способностями и считался перспективным управленцем. Тот не согласился.

БАМ, который славился своими традициями, людьми – созидателями светлого будущего, – остался в прошлом. Неуправляемая рыночная экономика одно за другим играючи стирала с карты страны крепкие, казалось, предприятия. Люди оставались без работы, многие не знали, что их ждёт. Игорь Силин был из их числа.

Остались они вдвоём с Настей – с женой, детей не родили. Жильё – бамовская времянка с временной пропиской и небольшие денежные сбережения на «чёрный день». По ухабистой дороге перемены страна вкатилась в новое тысячелетие. Встал вопрос: что делать дальше?

Силин решил вернуться к истокам – в края, где родился и вырос. В трудный час тянет на малую родину, к родным, даже если мать с отцом уже умерли. «Где родился, там и пригужусь. Друзья помогут», – мысленно подбадривал себя Игорь. В то же время понимал: возвращение спустя столько лет, пусть и домой, будет непростым – нужно искать постоянную работу, скопить денег на квартиру.

Та бамовская времянка оказалась единственным жильём, которым располагали супруги. В поселковой квартире, в которой когда-то Игорь Силин жил с родителями, после смерти матери проживал чужой человек. Да и к чему теперь она, когда в посёлке безработица? Люди уезжали. И в райцентре ситуация не лучше.

«Надо пытаться счастье в столице», – решил Силин, обдумывая план своего возвращения. Под «столицей» он имел в виду Петрозаводск – город, где он провёл счастливые годы студенчества. Помощь местной родни в период обустройства пришлась бы очень кстати. А в том, что двоюродный брат сделает для него всё возможное, Силин нисколько не сомневался. Он помнил, как Вера, родная сестра Степаныча, а Игорю, получается, двоюродная, будучи сту-

денткой лесотехникума, в период производственной практики месяцами жила у них, причём не одна, а с подругой. Силины радушно принимали гостей, кормили-поили. «Как же дружно жили люди, пережившие войну! Невзгоды сплывают. Видимо, настал черёд и нам помогать друг другу», – так думалось Силину.

После долгой утомительной дороги Игорь встретился, наконец, с двоюродным братом. Тот много и красиво говорил о взаимопомощи, солидарности. Не случайно, надо сказать. В статусе профсоюзного лидера Степаныч самоотверженно, как ему казалось, боролся за интересы родного предприятия, на котором всё ещё работал. Одно было ему досадно: работники, нуждающиеся в защите от жадных до прибыли новых работодателей, взносами профсоюзную казну обходили, а значит, ставили Степаныча в бедственное положение. «Нет, раньше народ был дружнее», – сетовал он и предлагал пространные варианты Силинского проживания на новом месте.

Так, по возвращении на родину Игорь, пока без жены, оказался в неудобной комнате опустевшего на время каникул студенческого общежития. «Зато дёшево, – утешал он себя. А в памяти всплыло лицо родной тётки – матери Степаныча. – Была б жива, без лишних слов заставила бы пожить у себя, причём столько, сколько надо», – подумал Силин, и ему страшно захотелось увидеть её могилу. Решил, что при первой возможности позвонит Степанычу – уж не откажется сопроводить.

Действительно, они уговорились по телефону о встрече и следующим утром на пригородном автобусе поехали на кладбище.

У родительских каменных надгробий, склонив голову, Степаныч беседовал с матерью и отцом: сетовал на трудности нынешней жизни, просил их не завидовать ему, живому. «Им ведь гораздо труднее жилось в войну, да и после неё», – думал Силин, глядя на брата. А тот клялся: «Вот, держу данное слово, не пью водки, как в молодости. Курить не могу пока бросить. Но обещаю: брошу! Обязательно брошу!»

Могилы родителей Степаныча заросли травой. С поблекших фотографий смотрели на Игоря дорогие сердцу люди: дядька – с неуверенной укоризной, тётка – твёрдо, даже властно. Так и было: жена в семье верховодила. «Наша – Силинская порода! – усмехнувшись, подумал Игорь и мысленно обратился к склонившемуся над могилами брату: – А ты, дружок, как мне помнится, обидеть их норовил». Силин вздохнул и выпил за помин души налитую Степанычем стопку водки, а потом, сам того не ожидая, хлюпнул носом, на глазах проступили слёзы, он украдкой отёр их и вышел из оградки.

Школьные друзья

И всё-таки двоюродный брат обещание сдержал – подсобил Силину снять квартиру. Оказалось, знакомая Степаныча, – Елизавета, женщина в годах и одинокая, к тому приятельница его жены, – как раз ищет приличного квартиросъёмщика в пустующую однушку. Туда Силин и переехал из общежития.

В один из осенних дней, когда Игорь уже обустроился на новом месте, на пороге нарисовался гость – Жорка Фокин, друг детства. Им было что вспомнить: Жора младше, и много лет назад Силин учил его плавать, брал с собой на рыбалку. А теперь где-то под Питером Фокин открыл свою фирму. Признаться, Игорь рассчитывал на него по возвращении. К тому ж друзья, хоть и давно не виделись, связь не теряли – созванивались, переписывались, так что Жорка легко отыскал его по нужному адресу, когда проездом оказался в Петрозаводске. И вот вместо долгоязого мальчика, каким он запомнился Силину, перед ним предстал настоящий мблodeц.

А мблodeц, весело гогоча, с порога подхватил друга под мышки и приподнял над полом. Посидели за столом, поговорили. Как в детстве, слегка заикаясь, Жорка рассказал о том, что устроился он хорошо, а ещё о своих знакомых – «денежных мешках» из Питера, готовых вкладывать деньги в местную камнедобычу. По всему выходило, что и Силину есть надежда зацепиться там, Жорка даже пообещал замолвить за него слово перед крутыми дружбанами.

Встреча получилась радостной, но короткой – Жорка заспешил по делам. Всего через полчаса он вывалился из подъезда, распахнул дверь чёрной лакированной «Вольво» и, грузно провалившись в мягкое кожаное кресло, скрылся за тонированными стёклами.

«Проехать б на такой!..» – завистливо вздохнул Силин, наблюдая за другом из кухонного окна.

Встреча с Кицей – Славкой Кислицыным – тоже порадовала. Силин заскочил к нему на работу. Поначалу он даже растерялся, когда на хрупком стуле вместо подтянутого юноши, победителя соревнований, узрел дяденьку объёмом с добрый холодильник – литров на триста пятьдесят, не меньше. «Вот как время меняет людей!» – подумал Силин, протягивая руку для приветствия.

Кица, полковник запаса, бегло осмотрев заплывшими глазками моложавую фигуру земляка, с напором спросил:

– Ты газеты читаешь?

– Да, – недоумённо ответил Силин и стал перечислять всё, что прочитал за последнее время.

– Ты не то читаешь, – командно рыкнул Кица и ткнул пухлым пальцем в развёрнутую на столе газету, которую только что изучал.

– Слушай! Открылся конкурс на замещение вакантных мест в комитете природных ресурсов, – уверенно басил он. – Требуется старший инженер. Комитет на уровне министерства. Соображаешь? Почему не попробовать?

На лице Силина читалось сомнение, и Кислицын это заметил:

– Знаешь, кто его возглавляет? – многозначительно спросил он и тут же сам ответил: – Роман Николаевич Умнов! Помнишь такого?

Силин помнил Романа Николаевича. Много лет назад его назначили главным специалистом к ним в леспромхоз. Тогда Умнов оказался одним из самых молодых и перспективных управленцев производственного объединения.

– Берут по знаниям! – воскликнул Кица и, выдержав паузу, уточнил: – Кого знают – того и берут! – захохотал, довольный избитой шуточкой. Потом в направлении Силина скользнул по лакированному столу газетой. – На! Выпиши себе, какие документы нужно собрать на вакансию, – и вперёд. Ты же неглупый мужик. Если что, звони.

Торопливо распрощавшись, взволнованный Силин выскочил из Кицыной конторы на улицу. «Звони! Ха! – вопил внутри Силина какой-то чужой писклявый голосок. Справляясь с эмоциями, он старался упорядочить мысли, настраивая себя на позитивный лад: – Я счастлив! Я дышу воздухом Родины! Друзья помогают мне!»

– Кажется, я обретаю тихую гавань. Теперь можно не выживать, а просто жить, – уже вслух произнёс Силин и чуть подпрыгивающей походкой оптимиста направился в сторону остановки общественного транспорта.

Силин всерьёз взялся за подготовку к конкурсу. Даже по телефону напросился на встречу с Умновым. Роман Николаевич вспомнил тогдашнего молоденького инженера, справился о здоровье его матери, с которой был знаком. Узнав, что в живых её уже нет, искренне, как показалось Силину, огорчился. Конечно, Игорь наведлся к Роману Николаевичу не только для любезностей и воспоминаний. Умнов прояснил соискателю некоторые вопросы будущего конкурса, уточнил сроки проведения – времени оставалось мало.

Заручившись поддержкой потенциального начальника, до конца недели Силин спешно завершал подготовку. Справки, выписки, диплом, ещё какие-то документы... Пришлось даже посидеть в библиотеке, изучая законодательные акты, правительственные распоряжения.

Всё шло стремительно и легко, эта лёгкость будоражила душу Силина волнительной надеждой. Филантропские настроения захлёстывали его. Вот и Лиза, моложавая хозяйка, у которой он теперь квартировал, встречала его приятной улыбкой. «Милая Лиза! Как хорошо всё складывается! Славная настала пора», – благодушно подумал окрылённый Силин, как-то встретив хозяйку на лестничной клетке.

Радость – начало печали

Приезд в Петрозаводск жены лишь усилил у Игоря эйфорию. Перед Настей он воображал себя победителем любых житейских обстоятельств. Вслух Силин строил планы на их отдалённое будущее, но, как это нередко бывает, просмотрел уже грядущие перемены.

Ранее всего их начало отразилось на миловидном личике хозяйки квартиры. Она хмурилась при встрече с квартиросъёмщиком и как будто что-то недоговаривала. А вскоре ему позвонил двоюродный брат.

Из телефонного разговора Игорь Силин узнал, что Степаныч только что вернулся с дачи, промёрз там, оголодал без домашней пищи. А его жена Элеонора с порога передала ему то, что слышала от Лизы, которая делилась с ней своими секретами.

Интрига заключалась в следующем: в голове хозяйки квартиры, одинокой женщины, уже вертелись далеко идущие планы на Силина. Говоря прямо, он ей сразу понравился – как говорят, «с первого взгляда». При таком раскладе приезд законной супруги доставил Игорю столько радости, сколько разочарования и огорчения – Лизе, и теперь она чувствовала себя обманувшейся дурой.

В этой связи в разговоре со Степанычем всплыла почти детективная и пикантная деталь: чтобы вести наблюдение, к квартиранту Лиза приставила соседку, некую Анну Марковну – «божий одуванчик». Встречаясь с ней в общем коридоре, в ответ на жизнерадостное Силинское «здрасьте», она беззвучно пожёвывала губы и проскальзывала в свою квартиру. По Лизиному наущению, каждый вечер старушка прослушивала, что происходит за стенкой.

На беду старушкино воображение, помноженное на странную звукоизоляцию стен панельного дома, принимало работу телевизора в соседней квартире, перебиваемую негромкими вечерними песнопениями жильца, а также его монологи – он имел привычку размышлять вслух – за сладострастные беседы с особами противоположного пола. В такие моменты рассвирепевшей комнатной собачонкой Анна Марковна мысленно трепала мораль квартиранта. К жильцу приросла репутация ловеласа, а с приездом жены он превратился в настоящего распутника.

И эти откровения вперемежку с кривотолками сначала Элеонора вывалила на вернувшегося с дачи мужа, а тот в телефонном разговоре – на двоюродного брата.

Нет ничего хуже дрянной информации, поданной на голодный желудок усталому человеку. Она подобна прободению язвы – это в полной мере и испытал организм Степаныча. Он сурово отчитывал Силина по телефону, укорял земными грехами, после чего потребовал немедленно освободить квартиру, которую сам не так давно помог снять.

Увы, это была не шутка.

Невзгоды не ходят по одиночке

Романа Николаевича Умнова, к которому Игорь надеялся устроиться на работу, неожиданно «подвинули» с должности председателя комитета, поэтому он не принимал участие в работе квалификационной комиссии. В конкурсе на желанную должность Силина прокатили. Сработал тот самый принцип, озвученный полковником запаса Кицей, а следом провалилась его многоходовая комбинация с назначением своих людей на «нужные» места.

После объявления результата в приватной беседе Роман Николаевич, смущённый собственной подвижкой, в помощи Силину не отказал, но и помочь уже ничем не мог. Попрощались. В коридорах солидного здания комитета негласно было регламентировано хождение на цыпочках. Силин аккуратно исполнил порядок. На самом выходе нутро у него взбунтовалось от того, что удача была рядом, но выскользнула из рук, и он на прощание изо всех сил шархнул массивной дверью. Его досаду легко поглотил амортизатор импортного производства, встроенный в верхнюю часть двери. Смачный плевок на разогретый солнцем асфальт помог-таки излить горечь поражения, а солнце быстро подсушило вспененную несдержанность.

По пути домой Силин завернул к Кице. Узнав новости, Кислицын посмурнел, поток армейских присказок сразу иссяк, к тому же он больше не звал Силина на дружеские посиделки в кафешку или ресторанчик.

– Ты не теряйся, – несколько разочарованно и безразлично напутствовал он насупившегося Силина, топтавшегося у порога.

– Не потеряюсь, – бросил на прощание тот и избавил Кицу от своего присутствия.

Друг детства Жорка молчал. От питерских «денежных мешков» предложений не поступало. Все, ну все отвернулись от Силина! Только Лёшка Горобец пока не отказывал в помощи. Вдвоём они колесили по городу в поисках другой съёмной квартиры. Маленький росточком Горобчик крутил баранку задрипанной «шестёрки» и без умолку рассказывал, как удачно ему удалось в очередной раз «перегильзовать» блок цилиндров в моторе своей «ласточки». Убитые «Жигули» грязно-зелёного цвета оставались для него быстрокрылой птицей.

Когда учились в школе, такая Горобчикова болтливость часто раздражала Силина. Теперь друг детства умилял его, и было чем. В конце весны фирма, в которой работал Лёшка, обанкротилась. Поблагодарив работников за самоотверженный труд, начальник выпроводил всех без выходного пособия. Так что Лёшка целое лето сидел на мели, и вот, невзирая на собственные невзгоды, он пытался ему, Силину, хоть чем-то помочь.

Дерево желаний

Жильё Силин нашёл на окраине города в полузаброшенном доме – одной заботой меньше. Теперь дни напролёт он кружил по городу в поисках работы. Игорь любил раздольную гладь воды, шорох волн – это успокаивало. «Дерево желаний» из стеклоткани, пропитанной эпоксидной смолой, Силин обнаружил случайно, когда в задумчивости прогуливался по городской набережной. На стволе висела табличка с надписью «Прошепчи одно желание», тут же и ухо, чтобы быть услышанным. И теперь чёрное рукотворное сооружение часто притягивало Силина. Всякий раз, подбираясь к нему, он нарезал круги, а на самом деле, того не ведая, повторял древний тантрический ход саамов к оккультному дольмену.

Далёкие предки когда-то просили у каменных и деревянных идолов оленя пожирнее или крупную сёмгу. А Силин, припав к облупившемуся гипсовому уху, просил у дерева работу, да поденежней. Нашептав, он настороженно осматривался, будто искал взглядом какой-то знак, – допытывался, сбудется ли.

Поодаль дремали пожелтевшие тополя, суровое северное озеро не хмурилось тёмной рябью по поверхности, а неяркое осеннее солнце даже ласкало своим теплом. Природа как будто не противилась скромному Силинскому желанию.

Время шло, а чаемая работа всё не находилась.

Однажды, слоняясь по городу, Силин побрёл к памятнику основоположникам научного коммунизма. Отлитый из бронзы, он весь был в белёсых подтёках от голубиных посиделок. Не взирая на смену правителей и эпох, основоположники оживлённо общались друг с другом, как бы утверждая самим своим видом: эра коммунизма не за горами.

А Игорь помнил времена, когда к постаменту возлагали букеты живых цветов, было чисто – ни соринки кругом. Теперь всё не так. Усевшись на скамейку, Силин вздохнул с сожалением – памятник ему нравился.

Мимо сновали озабоченные устроители новой жизни. «Надо же, ни одного знакомого! – удивлялся Игорь, жадно вглядываясь в лица прохожих. – А сколько их было раньше!.. Изменился мир, даже птички распоясались – перестали почитать основоположников». Он припомнил виденный на набережной памятнику Петру Великому: раньше ядовито зеленел окислами меди, а теперь вон как сияет. И пернатые ему нипочём...

В размышлениях Силин не сразу заметил подсевшего к нему на скамейку старичка в поношенном пиджаке. Справа на груди у него белел ромбик – знак высшего военного образования, слева в ряд – награды, над ними – орденские планки.

«Видать, медали для количества навесил. Развелось в последнее время ветеранов липовых!» – мельком взглянув, не без раздражения подумал Силин.

Старичок хмыкнул, словно прочитал его мысли.

– Позвольте представиться, – начал он, явно желая завязать продолжительный разговор. Силин буркнул что-то невразумительное.

– Иван Михайлович, честь имею, – представился старик. Неприветливость потенциального собеседника ничуть не смутила его. – Вы случайно не карел?

– Карел, только говорить не умею по-карельски, – резковато ответил Силин, намереваясь избавиться от непрошеного собеседника. А получился обратный эффект: Иван Михайлович несказанно обрадовался и по-свойски подмигнул.

– Я, знаете ли, работал в конструкторском бюро самого Сергея Павловича Королёва... – многозначительно сказал он. Игорь Силин оценивающим взглядом примерился к старичку: «Лоб примечательный – высокий. Может, и не врёт», – подумал, но смолчал. Старичка его молчание лишь подзадорило. Такое случается, когда люди чувствуют себе равню.

– ...Потом служил на Байконуре, на Плесецком космодроме, в пехотном училище преподавал. Я ведь по образованию электронщик. Да-да! Не смотрите на меня так недоверчиво.

– Хорошо, не буду, – сдался, наконец, Силин, в котором уже пробудились интерес и симпатия к старичку. Иван Михайлович прищурил правый глаз, как бы выцеливая невидимую мишень.

– Вы про изменника Родины Пеньковского что-нибудь слышали? – спросил он. Несколько смутившись, Игорь отрицательно мотнул головой.

– Вот-вот, молодёжь... Своей истории не знаете, – слегка пожурил Иван Михайлович. «Нашёл молодого!..» – усмехнулся про себя Силин.

– Финны меня тоже хотели завербовать, да у них не вышло, – собеседник рассмеялся так, словно в своё время обвёл вокруг пальца самого маршала Маннергейма. Довольный собой, он заёрзал на скамейке. – Родина – жопой ко мне, а я её всё равно люблю и не продам ни за какие коврижки!

Старичок вплотную придвинулся к Силину – это указывало на то, что разговор пойдёт ещё более откровенный, но на освободившееся место на краю скамейки тут же подседа парочка: довольно молодые мужчина и женщина. Скромно одетые, они взирали на разговарившегося Ивана Михайловича красноватыми, как будто слезящимися глазами. Казалось, этот пристальный взгляд на себе он ощутил кожей. Так и не поворачивая головы в сторону странноватой парочки, Иван Михайлович горячо зашептал Силину:

– Я скоро умру! Я это чувствую. Мне очень хотелось поговорить с хорошим человеком. Прощайте!

От старика пахло неухоженной старостью, а ещё перегоревшей в организме водкой. Он тяжело встал и, нетвёрдо ступая разношенными ботинками, направился в сторону сквера. Мужчина и женщина последовали за ним. «Наверняка прихлебатели! Пенсия у военных инженеров хорошая», – догадался Силин, глядя им в спины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.